

---

## **КУЛЬТУРНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ**

---

### **Концепция культурного ландшафта и практика охраны этнографического наследия (на примере территорий российского Севера)**

П.М. ШУЛЬГИН

*В статье анализируется концепция культурного ландшафта, принятая в российской науке, история ее развития и исследовательские подходы современных научных школ. На примере территорий российского Севера рассматриваются вопросы создания этно-экологических территорий – особых охраняемых пространственных комплексов природного и культурного наследия, связанных с проживанием здесь малочисленных народов или этнографических групп. Существующее российское законодательство пока не охватывает необходимый круг вопросов, регламентирующий охрану этнографических ландшафтов, однако в рамках действующего законодательства возможна реализация ряда программ, направленных именно на сохранение этого уникального явления культурного и природного наследия.*

### **Общественные тенденции конца 1990-х годов и их отражение в научных подходах**

#### **Введение**

Проблема сохранения историко-культурного наследия в настоящее время занимает существенное место в теориях и практике российской научной и общественной мысли. Следует признать, что 1990-е годы стали периодом выработки новых теоретических концепций в этой области и принятия новых законодательных решений и практических действий по сохранению богатейшего наследия Российской Федерации. Во многом это было сопряжено со значительными политическими и общественными изменениями в России, с большей свободой и возможностью выразить общественное мнение по данной проблеме, с активным переходом страны к общемировому сотрудничеству.

Значительное обострение ситуации в сфере сохранения культурного и природного наследия произошло в 1970–1980-х годах. Оно было связано с возросшим идеологическим давлением советского государства, что выражалось в общем стремлении к унификации культурной и общественной жизни и к частным тенденциям унификации национальных культур, их слияния в новую социалистическую общность – «советский народ». При этом культуре отводилась роль малосущественного надстроечного элемента при абсолютном приоритете материального производства как базового фактора развития страны.

Именно в этих условиях совершенно естественно воспринимались стремления по переброске вод северных рек на юг с образованием огромных водохранилищ, затоплением больших территорий на русском Севере и в Западной Сибири в целях обеспечения потребности промышленности и сельского хозяйства южных регионов Советского Союза. Абсолютно нормальной в практике развития добывающих отраслей была ситуация отторжения огромных территорий, на которых проживали малочисленные народы (ханты, ненцы), для нефтяных и газовых разработок без какой-либо компенсации или обеспечения местным жителям достойных новых условий существования.

Общественные изменения с началом перестройки в Советском Союзе не могли не пройти мимо этих проблем. Недаром в конце 1980-х годов необычайно остро встал вопрос защиты культуры и прав малочисленных народов и этнографических групп. Идея унификации, как главная задача перспективного национального развития, была отвергнута и заменена задачей сохранения национального самосознания, самобытности многочисленных национальных культур народов Российской Федерации, выявления всего многообразия национального и исторического наследия. Чрезвычайно возрос интерес к истории родного края, национальным корням, религиозным традициям, к семейной истории, долго время считавшийся несущественным и не поощряемым официальной пропагандой. Эта тенденция совпала с началом мощного и массового экологического движения, отстаивающего право на жизнь в чистой окружающей среде и полную информированность населения о рисках, связанных с действующим производством или проектируемым строительством [Экология – народонаселение – расселение 1989].

### **Концепция культурного ландшафта в российской науке**

Современное понимание культурного ландшафта является неоднозначным как в мировой, так и в российской науке. Следует выделить три основных подхода к трактовке этого термина. Первый из них базируется на понимании культурного ландшафта как некоей местности, которая в течение длительного исторического периода была местом обитания определенной группы людей, являющихся носителями специфических культурных ценностей. Чаще всего в качестве таких групп выступают этнические или конфессиональные общности [Sauer 1925; 1927].

Подобный подход к определению культурного ландшафта и его изучению характерен для школы культурной географии, которая создавалась К. Зауэром. Согласно этому подходу культурный ландшафт является искусственным ландшафтом, который различные сообщества людей и культурные группы создают, заселяя землю. В этом смысле понятие «культурный ландшафт» может быть отождествлено с термином «этнографический ландшафт». И хотя в работах К. Зауэра и его школы определение этнографического ландшафта и связанная с этим терминология практически не употребляется, мы не можем не отметить те аспекты научных работ, в которых отмечаются факторы и результаты трансформации различными этническими группами людей природного ландшафта.

При этом значительное внимание уделяется структуре расселения, особенностям землепользования, местной архитектуре, создающейся под влиянием локальных факторов и пр. [Salter 1971]. В определенной степени можно считать, что для подобных исследований параллельно с термином «культурный ландшафт» правомерно и употребление термина «этнографический ландшафт».

В российской науке на протяжении XX в. складывалось представление о культурном ландшафте как о модификации природного ландшафта. В рамках природоцентрического подхода географический ландшафт выступает как совокупность природных явлений, в идеале почти не затронутых и не измененных человеком [Исаченко 1965]. Противоположностью ему выступает антропогенный ландшафт, который изменен человеком, иногда даже «испорчен» человеческим вмешательством. В этом случае культурный ландшафт рассматривается как «хороший» антропогенный ландшафт, измененный человеком по определенной программе и обладающий высокими эстетическими и функциональными свойствами [Мильков 1978].

В последнее десятилетие все большее распространение получает точка зрения, представляющая культурный ландшафт как целостную территориально локализованную совокупность материальных элементов и явлений, сформировавшихся в результате взаимодействия природных процессов и разнообразной деятельности человека. В рамках этой концепции развивается представление, что результаты деятельности человека, воплощенные в объектах материальной и духовной культуры, являются частью культурного ландшафта [Веденин 1997].

В основе этого подхода лежит представление об активной роли интеллектуальной и духовной деятельности человека в формировании культурного ландшафта. При этом подчеркивается, что «духовные и интеллектуальные ценности, хранимые и передаваемые от одного поколения к другому в виде информации, не только определяют формирование и развитие культурного ландшафта, но и являются его частью, испытывают на себе воздействие других, материальных компонентов ландшафта» [Веденин, Кулешова 2001]. В данном случае особенно отмечается интеллектуальная и духовная составляющая ландшафта.

Научные исследования данного феномена базируются на культурно-ландшафтном районировании различных регионов и выделении системы историко-культурных территорий как основных объектов для разработки и реализации проектов по сохранению историко-культурного наследия [Культурный ландшафт... 2004]. В качестве одного из таких типов территорий рассматриваются *этно-экологические территории*, как правило, связанные с проживанием здесь малочисленных народов или этнографических групп [Веденин, Шульгин 1992; Шульгин 2001].

Термины «этнические территории» и «эколого-этнические территории» начали активно входить в научные исследования в конце 1980-х годов благодаря комплексным исследованиям историков, этнографов и биологов по изучению традиционной культуры малочисленных народов и их предложениям по сохранению культурной самобытности этих народов или различных этнических групп. Так, в 1989–1990 гг. для территорий Приморского края и Чукотки были сформулированы предложения по созданию охраняемых территорий, на кото-

рых бы поддерживалось традиционное природопользование, традиционное хозяйство и привычный образ жизни местного населения [Система охраняемых природных территорий 1989; *Богословская* 1990].

И.И. Крупник на примере арктических и субарктических охотников на морского зверя и оленеводов российского Севера обосновал теоретическое представление об этно-экосистемах. Основу подобных этно-экосистем составляют устойчивые этнические коллективы, связанные совместным использованием земель, общим трудом и расселением на определенной территории [*Крупник* 1989].

Сходный подход к выявлению культурных и этнографических ландшафтов отмечается и в исследованиях специалистов-географов МГУ им. М.В. Ломоносова – ведущей географической школы России [*Каганский, Родоман* 1995; *Калуцков* 1998; *Туровский* 1998]. С 1993 г. здесь проходит ежегодный семинар «Культурный ландшафт». В течение нескольких лет проводились экспедиционные исследования в Пинежском районе Архангельской области по изучению этнографического ландшафта местного русского населения [*Культурный ландшафт русского Севера* 1998].

Этно-экологические территории могут быть представлены землями малочисленных народов Севера или сравнительно изолированными местами проживания небольших этнических групп других более крупных народов, в пределах которых сформировалась их традиционная культура, особая система расселения и облик поселения, находятся их традиционные хозяйственные угодья и священные места. Многие природные объекты здесь имеют исторический или мифологический характер, одушевленное значение для коренного населения (например, реки, возвышенности, даже отдельные деревья и пр.). В рамках этой территории формируется и особая свойственная данному этносу или этнографической группе языковая система. Вся эта территория хранит историю народа и одновременно является хозяйственной и культурной основой его современного проживания.

Именно как территория она может получить особый охранный статус и законодательную защиту, что является гарантией сохранения не только историко-культурного и природного наследия, но и гарантией сохранения данного этноса. Подобная территория напрямую связывается с теоретическим представлением об этнографическом ландшафте.

### **Отражение охраны этнографических ландшафтов в российских законодательных актах**

Современное положение в России с охранным статусом историко-культурных территорий в целом и этнографических ландшафтов в частности составляет повод для беспокойства. Одним из важных препятствий, мешающих реализации ландшафтного подхода по сохранению историко-культурного наследия в целом и этнографического наследия, является неразработанность в Российской Федерации соответствующей законодательной базы. В настоящее время законодательная практика не поспевает за общественными изменениями в России, в условиях недостаточной разработанности экономического, налогового законодательства культурная тематика отодвигается на второй план.

Например, закон о культурном наследии и памятниках истории и культуры дискутировался в законодательных органах Российской Федерации с 1992 г. Было рассмотрено несколько вариантов этого закона, окончательное принятие Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» состоялось в 2002 г. [Федеральный закон «Об объектах...» 2002], однако до сих пор не разработана система необходимых подзаконных актов. Примерно так же обстояло дело с законом о территориях традиционного природопользования. Он дискутировался в течение семи лет и был принят только в мае 2001 г. [Федеральный закон «О территориях...» 2001].

В то же время следует признать, что в XIX в. в России был осуществлен, пожалуй, первый законодательный опыт, относящийся к сохранению этнографического ландшафта. Он связан с принятием в 1822 г. Закона Российской Империи «Устава об управлении инородцами», в подготовке которого большее участие принял бывший генерал-губернатор Сибири, выдающийся реформатор и деятель русского просвещения М.М. Сперанский [Полное собрание законов Российской империи... 1830]. «Устав» закреплял за аборигенным населением традиционные территории их расселения, формы организации хозяйственной деятельности и формы местного самоуправления. Впервые на уровне закона были связаны проблемы выживания аборигенов с сохранением их среды обитания.

Исследователи отмечают инновационный характер этого законодательного документа для создания системы взаимоотношений государственной власти и коренных народов, учитывающей особенности их исторического, хозяйственного развития и этнической самобытности [Мурашко 2000]. К сожалению, этот почти идеальный для своего времени закон постигла неудача. Помимо злоупотреблений местных властей он был разрушен последующими законодательными актами. В то же время идеи этого документа достаточно прогрессивны, и можно отметить тот факт, что система законодательных актов, разрабатываемая через столетие уже в советской России в 1920-х годах, по смыслу была близка положениям данного «Устава».

К середине 1930-х годов в СССР стала складываться новая государственная политика освоения природных ресурсов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Она строилась на принципе тоталитарной административно-хозяйственной системы с приоритетом экономических интересов над человеческими ценностями. Для коренных народов Севера этот период стал временем принудительной культурной и социальной ассимиляции.

Именно это время связано с переселением аборигенного населения с исконных мест своего проживания в связи с разработкой полезных ископаемых, созданием мест заключения (ГУЛАГ), строительством военных объектов, с испытаниями ядерного оружия (архипелаг Новая Земля), а также с переселением коренных жителей из малых поселений, объявленных «неперспективными», в крупные поселки. Такая политика привела к нарушению традиционного природопользования на многих северных территориях, к вырождению культурного ландшафта.

Предпринимаемые усилия по сохранению этнических территорий могли найти выражение только путем охраны особо ценных природных участков – обычно в форме природных заповедников и резерватов. При явно недостаточном внима-

нии к охране культурных и этнографических ценностей в 1930–1960-е годы в то же время в стране складывалась сеть особо охраняемых природных территорий, в том числе и на Севере. В те годы она состояла из охраняемых территорий памятников природы, природных заказников, а также природных заповедников. И в настоящее время проблема сохранения этнографических ландшафтов в России может быть в некоторой степени решена через использование возможностей законодательства об охране природы.

Принятый в Российской Федерации в 1995 г. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» [Федеральный закон... 1995] отличается достаточно полной проработкой по сравнению с предыдущим советским законодательством и дает возможность использования отдельных его положений для сохранения традиционного природопользования и культурного ландшафта в местах проживания аборигенного населения.

Эти функции в некоторой степени могут выполнять национальные парки и природные парки. В частности в их компетенцию входит задача сохранения природной среды и природных объектов, восстановления нарушенных природных и историко-культурных комплексов и объектов.

Национальные парки имеют более строгий режим охраны, чем природные. Они являются объектами федерального значения, финансируются из федерального бюджета и включают территории не только имеющие особое значение для сохранения уникальных природных объектов, но и представляющие историческую и эстетическую ценность.

Создание природного парка также предполагает сохранение природных комплексов и объектов, имеющих значительную экологическую и эстетическую ценность. Его предназначением является не только охрана природы, но и использование территории в рекреационных и социокультурных целях. В природных парках разрешается развивать в большей степени хозяйственные функции, связанные с рекреацией, туризмом, учебно-просветительской деятельностью. Природный парк – это объект, находящийся в подчинении субъекта Федерации, что позволяет в большей степени учесть в организационной и хозяйственной деятельности местные особенности, а также осуществлять финансовую поддержку охраняемой территории при дефиците федерального бюджета.

В то же время главная задача национальных и природных парков – это осуществление природоохранных функций. Положения закона об особо охраняемых природных территориях и определения национального и природного парка не упоминают режимы традиционного природопользования, не связаны с охраной территорий проживания малочисленных народов. Эти вопросы долгое время вообще не были отражены в российском законодательстве. Так, определение понятия «традиционное природопользование» до принятия соответствующего закона имелось только в законе «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации», принятом в 1996 г. [Глубоковский 2000]. В 2001 г. принят новый Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», однако и он не смог четко решить проблем сохранения этнографического ландшафта.

Крайне необходимым является принятие нового законодательства, в котором вопросы сохранения природных земель и культурного своеобразия сочетались бы с решением проблем поддержки и возрождения как национальной культуры, так и традиционного хозяйства аборигенного населения. Как попытку решения данных проблем можно упомянуть предложения по разработке закона об охраняемых историко-культурных территориях (в некоторой степени аналога закона об особо охраняемых природных территориях), которые были предприняты группой специалистов сначала в рамках Фонда культуры, а затем и Института наследия в начале 1990-х годов [Проект статуса уникальной исторической территории... 1990].

В условиях определенного вакуума на федеральном законодательном уровне такие документы разрабатываются и даже принимаются на уровне субъектов Российской Федерации. В этой связи стоит отметить предложения по разработке законодательных актов об историко-культурных территориях в некоторых областях и республиках Российской Федерации, о родовых землях представителей малочисленных народов Севера. Среди них принятые в начале и середине 1990-х годов закон Республики Карелия «Об уникальных исторических природно-ландшафтных территориях» (1992 г.) [Закон Республики Карелия... 1994]; постановление Законодательного собрания Нижегородской области о землях историко-культурного назначения на примере сельских территорий, связанных с историей старообрядчества (1995 г.), и ряд других похожих региональных актов, в которых берется под охрану историческая территория, но подразумевается одновременно и принятие мер по сохранению значимых этнографических ландшафтных характеристик местности.

Можно привести также пример принятия во Владимирской области постановления Главы областной администрации об установлении особого типа охраняемых территорий – историко-ландшафтных комплексов (апрель 1999 г.). Первый такой историко-ландшафтный комплекс установлен вокруг знаменитого памятника истории и культуры – церкви Покрова на Нерли и получил название «Боголюбовский луг». Эти конкретные законодательные решения по сути являются прообразами правовых действий по сохранению этнографического ландшафта.

Наиболее цельной и интересной попыткой следует признать Концепцию и проект закона Ханты-Мансийского автономного округа «О территориях традиционного природопользования» [Проблемы традиционного природопользования 2000]. В проекте этого закона делается попытка совместить современный государственный принцип национально-территориального деления, принятый в Российской Федерации, и принцип территориально-общинного самоуправления, землепользования и ресурсопользования, свойственный общинам коренного населения.

Создание региональных прецедентов, с одной стороны, и общее осознание необходимости сохранения этнографического ландшафта как особой категории наследия – с другой, являются условиями, способствующими разработке и принятию подобного законодательного акта на федеральном уровне.

## Современная охрана культурных ландшафтов в России

В настоящее время сложилась ситуация, когда вопросы сохранения этнографических ландшафтов не имеют четкого законодательного регулирования и не входят прямо в компетенцию того или иного государственного органа. На практике этнографические ландшафты могут получить некоторую защиту в рамках природоохранного законодательства, а в последние годы становятся объектом деятельности ряда крупных музеев-заповедников, являющихся учреждениями культуры, которые действуют в рамках основ законодательства о культуре.

Закон Российской Федерации «Об особо охраняемых природных территориях» (1995 г.) выделяет семь типов охраняемых территорий:

- памятники природы,
- природные заказники,
- государственные природные заповедники,
- национальные парки,
- природные парки,
- дендрологические парки и ботанические сады,
- лечебно-оздоровительные местности и курорты.

Наиболее значительными по площади объектами являются заповедники, национальные и природные парки. Они имеют различные функции.

Традиционной формой охраны биологического разнообразия в России являются государственные *природные заповедники*. Система заповедников как эталонов ненарушенных природных территорий по праву является гордостью отечественного природоохранного движения. Первые заповедники были созданы в 1916 г., а к настоящему времени их сеть составляет 100 объектов. Общая площадь, занимаемая заповедниками, – более 33 млн га.

Для заповедников принят очень строгий охранный режим, ограничена их посещаемость. Из российских заповедников 22 имеют международный статус биосферных резерватов, и им выданы соответствующие сертификаты. На территории Европейского и Азиатского Севера расположено более 30 заповедников [Государственный доклад... 2004]. Заповедники позволили сохранить большие территории естественной природы, однако на практике их деятельность очень мало связана с охраной заселенных территорий и этнографических ландшафтов.

Наиболее тесную связь с этнографическими ландшафтами имеют два типа территорий: национальные парки и природные парки.

*Национальными парками* объявляются территории, которые включают природные комплексы и объекты, имеющие особую экологическую, историческую и эстетическую ценность и предназначенные для использования в природоохранных, просветительских, научных, культурных целях и для регулируемого туризма.

Система национальных парков в России стала формироваться сравнительно недавно – в начале 1980-х годов. Первые парки были созданы в 1983 г., а сейчас в России насчитывается 35 национальных парков. Большая их часть создана в 1990-х годах, уже в новой России в рамках проводимой новой социальной политики. Предполагалось, что национальные парки займут иную нишу, отличную от государственных природных заповедников, и позволят более тесно связать вопросы охраны природы и охраны культурного наследия.

Площадь всех национальных парков в стране составляет почти 7 млн га, или примерно 0,4% площади Российской Федерации, в них работают 4 тыс. человек. В северных регионах России создано 4 национальных парка, все они расположены в Европейской части России [Государственный доклад... 2004]. До 2000 г. практически все национальные парки находились под управлением Федеральной службы лесного хозяйства России (и только один национальный парк – в ведении правительства Москвы). В настоящее время Федеральная служба лесного хозяйства прекратила свое независимое существование и функционирует в рамках подразделения в структуре Министерства природных ресурсов Российской Федерации. Таким образом, практически все охраняемые природные территории федерального значения оказались сосредоточены под управлением этого министерства.

Большая часть национальных парков имеет этнографическую составляющую, и их территория может рассматриваться в качестве исторических или современных этнографических ландшафтов. Как пример можно привести один из последних созданных национальных парков на территории России (1999 г.) – парк «Аланхай» в Агинском Бурятском автономном округе. Самой большой достопримечательностью парка является гора Аланхай с ее отрогами. Территория парка отличается богатством видового состава растений и животных, источниками минеральных вод, на ее примере можно проследить этапность геологического развития региона. Но в то же время эта территория на протяжении сотен лет была местом поклонения коренного населения – бурят, исповедующих буддизм. Здесь расположен аланхайский культовый буддистский комплекс, который является шестым по значению святым местом для буддистов всего мира [Сыртыпова, Петунова 2002].

Однако долгая практика существования национальных парков в условиях их подчиненности Федеральной службе лесного хозяйства показала, что на этих территориях не решаются проблемы культурного развития и не реализуются программы по использованию историко-культурного и этнографического наследия. Национальные парки пока не стали местом осуществления активной политики по сохранению этнографических ландшафтов.

Почти такой же статус, но с несколько большими возможностями реализации рекреационных, хозяйственных функций, учебно-просветительской деятельности, имеют *природные парки*, находящиеся в подчинении субъектов Российской Федерации. Управление природными парками осуществляет отдел или комитет по управлению природными ресурсами, входящий в состав областного или местного республиканского правительства.

Создание природных парков стало возможным после 1995 г. (после выхода закона «Об особо охраняемых природных территориях»). Сеть природных парков находится в начальной стадии формирования. Среди них встречаются очень небольшие природные территории в городах (например, природные парки в Москве) и огромные территории площадью более 1 млн га на севере России. Часть из природных парков не имеет отношения к этнографическим ландшафтам, но некоторые природные парки, несомненно, имеют очень тесную связь с ними. В этой группе можно выделить природные парки «Нумто», «Кондинские

озера», находящиеся в Ханты-Мансийском автономном округе и расположенные на родовых землях хантов, а также природный парк «Берингия» на Чукотке, который даже в названии имеет определение «природно-этнический».

Отметим, что и в случае природных парков прямая подчиненность органам охраны природы не позволяет в полной мере решать на территории этих объектов задачи по реализации культурных программ. Однако именно природные парки в перспективе могут стать одной из главных организационных форм сохранения этнографического ландшафта.

Еще одним типом охраняемой территории, связанной с проблемами сохранения этнографических ландшафтов, являются *музеи-заповедники*. Музеи-заповедники как учреждения культуры входят в систему Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации. От музеев их отличает то, что в силу исторических, мемориальных или географических факторов они тесно объединены определенной территорией и включают в свой состав недвижимые объекты наследия и природные участки. К музеям-заповедникам относятся мемориальные усадьбы, связанные с жизнью и творчеством выдающихся людей, поля исторических сражений, территории археологических комплексов, части исторических городов и поселений.

К 2005 г. в Российской Федерации существовало более 140 музеев-заповедников (музеев-усадб), они находятся или напрямую в подчинении федерального органа культуры, или же под управлением органов культуры субъектов Федерации или даже муниципальных образований. Многие музеи-заповедники имеют очень небольшие территории, ограничивающиеся территорией собственно памятника истории, архитектурного или дворцового и паркового комплекса. Но отдельным музеям-заповедникам принадлежат значительные земельные участки. Например, военно-исторический музей-заповедник в Бородино имеет площадь 11 тыс. га. Соловецкий музей-заповедник, расположенный на архипелаге в Белом море, – 106 тыс. га [Музеи-заповедники России 1999]. Такая значительная территория определяет как природоохранное значение данных заповедников, так и возможность сохранения на их территории традиционных этнографических ландшафтов.

Примерно 30 музеев-заповедников осуществляют в той или иной степени деятельность по сохранению культурных ландшафтов. Для отдельных музеев-заповедников, например на Бородинском поле, музее-заповеднике «Михайловское», музее-заповеднике «Ясная Поляна» и некоторых других проблема сохранения культурного ландшафта выдвигается в качестве ведущей задачи деятельности данного учреждения. В концепции музея-заповедника «Куликово поле» (место исторического сражения 1380 г.) сохранение исторического ландшафта определено в качестве основной цели деятельности [Музей-заповедник «Куликово поле»... 1999].

В то же время вопросами сохранения этнографических ландшафтов занимается только очень небольшое количество музеев-заповедников (главным образом, в центре европейской части России). С проблемами сохранения этнографических ландшафтов Севера может быть косвенным образом связана, пожалуй, только деятельность Соловецкого музея-заповедника и музея-заповедника

«Кижичи», расположенных на территории Европейского Севера (соответственно на территории Архангельской области и Республики Карелия).

Проблема выявления и сохранения этнографических ландшафтов в России не решается в полной мере существующими законодательными средствами или же существующими организационными структурами. Разобщенность в деятельности органов охраны природы и охраны культуры еще более усугубляет ситуацию. Кардинальное решение данной проблемы возможно в рамках принятия специального законодательства о культурных и этнографических ландшафтах. До разработки и принятия подобных законодательных документов, по нашему мнению, необходима работа по сохранению этнографических ландшафтов, используя статус природных парков или музеев-заповедников. Управление этими территориями должно осуществляться в тесном сотрудничестве программ охраны природы и сохранения и использования культурного наследия (а не исключительно в рамках ведомственного менеджмента).

### **Исследования и проекты по охране этнографических ландшафтов на Севере России**

В рамках рассмотренных тенденций особый интерес представляют проекты, проводимые в регионах российского Севера. В них заложены не только современные научные разработки, но и прецедент, который в условиях отсутствия четкого федерального законодательства по данной проблематике может быть в дальнейшем распространен и использован для других территорий.

Первые попытки создания охраняемых территорий, связанных с этнографическими ландшафтами, относятся к периоду конца 1980 – началу 1990-х годов. Именно это время, связанное с перестройкой и изменением многих устоявшихся шаблонов в различных областях государственной практики, стало катализатором новых идей и в деле сохранения историко-культурного наследия малочисленных народов Севера. Первой подобной работой можно считать проект формирования системы охраняемых природных территорий в экологической программе Приморского края. Данная концепция была разработана специалистами Биолого-почвенного института Дальневосточного отделения Академии наук СССР в 1989 г. [Система охраняемых природных территорий 1989].

В этой работе была поставлена задача создания системы «этнических» территорий, предложенная Л.Я. Иващенко и разработанная ею при содействии активной деятельницы движения за развитие малочисленных народов бассейна реки Амур Е.А. Гаер. Общая цель работы заключалась в обосновании предложений к общей экологической программе Приморского края. В Приморском крае (как и во многих других территориях российского севера) утвердилось представление о неперспективности многих мелких национальных сел, значительно сокращались объемы традиционного промыслового хозяйства в связи с приоритетом развития лесной промышленности.

В целях сохранения коренных народов этого региона в работе предполагалось наряду с необходимостью срочного решения социальных вопросов (обеспечение благоустроенным жильем, создание благоприятных условий для подго-

товки национальных кадров, сохранение национальной культуры) решить задачу сохранения качества среды в местах традиционного проживания коренного населения края, а также восстановления ресурсов охотничьих угодий. С этой целью в местах исторического проживания и промысла представителей малочисленных народов предполагалось образование системы «этнических территорий» с особым режимом природопользования [Там же, с. 33–35].

Планировалось выделить в Приморском крае четыре основные зоны проживания и промысла коренного населения. В основном это таежные территории и прибрежные морские участки. Общая их площадь должна была составить около 50 тыс. кв. км, или почти 30% территории Приморского края. Данные предложения, к сожалению, не были реализованы ни в той трактовке, в которой они предполагались (как «этнические территории»), ни в объеме охраняемых земель. Частично они были учтены в ходе природоохранных работ на территории края.

Примерно в эти же годы Л.С. Богословской высказано предложение о создании эколого-этнической территории на Чукотском полуострове. В первоначальном проекте данная территория выступала как международный национальный парк по обеим сторонам Берингова пролива, расположенный в России и США и получивший название «Берингия» [Богословская 1989; International Park Programm... 1989].

Ключевой задачей создания этого парка было сохранение этнической территории (и акватории), возрождение традиционной системы расселения и заброшенных старых поселков коренных жителей этой земли – чукчей и эскимосов как главного фактора сохранения национальной культуры. Создание национального парка «Берингия» на территории двух государств по обе стороны Берингова пролива отвечало условиям сохранения природных черт и природного своеобразия этой единой территории. Оно также отвечало и условиям возобновления родственных и родовых контактов между чукчами и эскимосами, проживающими в разных странах, которые были прерваны на несколько десятилетий в результате политики изоляции, проводимой советским государством.

Этот проект, детально разработанный в начале 1990-х годов, был одним из наиболее обоснованных проектов, формулирующих конкретные перспективы этнического развития и одновременно сохранения этнографического ландшафта. К сожалению, он не мог быть реализован в те годы из-за отсутствия соответствующего законодательства. Только после принятия в 1995 г. закона «Об особо охраняемых природных территориях» в Чукотском автономном округе был образован природный парк «Берингия», имеющий региональное, но не федеральное подчинение. (На территории США район Берингии является частью национального парка.) Но и в этом случае подчиненность парка местным органам охраны природы Чукотского автономного округа и реализация на его территории только специфических природоохранных задач, без должного учета культурных программ, не позволили в достаточной мере реализовать намеченный проект. Однако идеи, высказанные в проекте формирования «Берингии», нашли активное развитие при разработке подобных предложений в других регионах страны и при формулировании новых законодательных инициатив.

В середине 1990-х годов новые предложения по формированию охраняемых этнографических территорий стали разрабатываться на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Это связано с очень интенсивным освоением нефтяных и газовых ресурсов этой территории и со все нарастающей угрозой уничтожения природных ресурсов округа и традиционной среды обитания хантов и манси. Формирование органов окружной администрации и местного бюджета (Ханты-Мансийский округ в настоящее время входит в пятерку регионов с самым крупным бюджетом) позволило на месте решать многие вопросы регионального развития, в отличие от предыдущих лет, когда эти вопросы решались только в федеральном центре или же в областном центре этого региона – Тюмени.

В 1990-е годы в Ханты-Мансийском округе постепенно реализуются два основных направления в природоохранной деятельности: расширение сети особо охраняемых природных территорий и формирование системы родовых земель, принадлежащих коренным жителям [Меркушина, Новиков 1998]. Общая площадь родовых угодий коренного населения составила почти 30%. Это, как правило, территории приоритетного традиционного природопользования.

Но в то же время правовое положение этих территорий очень непрочное. До настоящего времени закон о родовых землях только обсуждается и не принят в местном законодательном органе. Обсуждаются два варианта этого закона. По одному из них родовые земли рассматриваются только в рамках актов земельного права, предполагающего исключительно имущественные отношения в связи с вопросами правового регулирования использования участков традиционного природопользования коренных народов и этнических групп округа. По другому варианту (руководителем его авторского коллектива является Л.С. Богословская) родовые угодья изучаются как участки целостных экосистем с комплексом традиционных природных ресурсов, а также как основа социально-культурного и экономического развития коренных народов и этнических групп, ведущих традиционный образ жизни [Обсуждение концепций... 1999]. В этом случае родовые угодья реально могут выступать как законодательно утвержденные этнографические ландшафты.

В 1998 г. на территории Ханты-Мансийского автономного округа были образованы три природных парка. Два из них, которые находятся на традиционных землях хантов, можно также считать этнографическими территориями – «Нумто» и «Кондинские озера». Однако реализуемые сейчас на территории этих природных парков мероприятия в основном имеют природоохранный характер и в силу ведомственных причин мало затрагивают область культурной и социальной политики.

В качестве нового конкретного регионального проекта, где сделана попытка совместить задачи охраны природы с активной деятельностью по реализации задач сохранения традиционного природопользования и социально-культурного развития, можно привести проект создания особо охраняемой природной и историко-культурной территории «Пунси» в Ханты-Мансийском автономном округе. Рассматриваемая территория расположена в южной части Нефтеюганского района в бассейне реки Большой Салым. Ее название предложено по наиме-

нованию озера и одноименному названию поселения-юрт Пунси, что в переводе с местного хантыйского диалекта означает «утиный пух». Предполагаемая площадь этой территории составляет примерно 6,5 тыс. кв. км.

Предложения по созданию здесь особо охраняемой природной территории были сформулированы достаточно давно (еще в конце 1980-х годов) по инициативе биологов-болотоведов. Данная территория характеризуется сочетанием природных ландшафтов, типичных для подзоны средней тайги. Болотные массивы очень разнообразны по происхождению, стратиграфии торфяных отложений, структуре растительного покрова, гидрологическому режиму. Они включают типы болот, характерные для всей подзоны средней тайги, и являются репрезентативным объектом для выявления их пространственно-временных закономерностей. По выраженности процессов заболачивания эта территория является мировым феноменом.

Интенсивное освоение нефтяных и газовых месторождений в Западной Сибири вызвало необратимые нарушения природных комплексов. Территорий, не затронутых техногенным воздействием, остается все меньше. К их числу и относится рассматриваемый участок салымо-юганского междуречья. Проектируемая особо охраняемая природная территория (в статусе природного заповедника) должна была сохранить уникальные ненарушенные болотные массивы, характерные для Ханты-Мансийского округа и представляющие мировой природный феномен болотных экосистем. В связи с этим было предложено сформировать границы охраняемой территории по бассейновому признаку, когда выделяется не только основной участок природного наследия, но и питающие его реки и ручьи, охрана которых является необходимым условием сохранения заповедного участка.

Вместе с тем данный проект совершенно не учитывал иное значение данного региона, а именно значение, связанное с его уникальными этнографическими характеристиками.

На этой территории сохраняется традиционная культура коренного населения. Существует около десяти традиционных поселений-юрт, жители которых представлены родами-семьями Каюковыми и Когончиными. Исторически они относятся к юганской группе хантов и являются выходцами с Югана. Однако последние исследования позволяют сделать заключение, что к настоящему времени следует говорить о формировании здесь особой группы салымских хантов [Салымский край 2000]. Местные ханты сохранили практически все знания и навыки, связанные с традиционным образом жизни, обладают историческими технологиями и ремеслами.

Уникальным для данной территории является существование самой южной в Западной Сибири популяции северного оленя. Именно здесь возможно возрождение специфического традиционного вида хозяйственной деятельности – таежного оленеводства, намного отличающегося от тундрового оленеводства и к настоящему времени уже почти утраченного в этом и других регионах России. Также существуют устойчивые популяции всех охотничье-промысловых видов, в том числе лося, выдры и соболя, что обеспечивает сохранение традиционного образа жизни.

В этом регионе сохранилась традиционная система расселения хантов, облик жилых и хозяйственных построек. Сохранность этого компонента этнографического ландшафта является уникальным, что видно на примере собственно поселения-юрт Пунси, где живет семья А.Д. Каюкова. Помимо жилых и хозяйственных построек в структуру поселения входят множество других объектов, расположенных на большой площади: запасные лабазы, расположенные в отдалении от основного жилища; охотничьи домики; рыболовецкие домики и запруды; искусственно сооруженные в таежном лесу загоны для оленей (оленьи огороды) вместе с небольшими домиками с дымокурами, предназначенными для их спасения от гнуса; установленные ловушки для глухарей, рыбные садки и пр.

Весь этот участок, занимаемый семьей А.Д. Каюкова, размером примерно 20 на 20 км, наполнен системой троп, проходящих как по твердым грядам, так и по болотистым участкам, на которых тропа поддерживается гатями. В целом система семейных угодий очень близка к схемам, приведенным в исследованиях Э. Вигета [Очерки истории традиционного землепользования хантов... 1999]. Уникальность рассмотренному участку придает существующий комплекс построек, связанных с таежным оленеводством.

В пределах рассматриваемой территории доминируют болотные ландшафты. Средняя заболоченность территории колеблется в пределах 50–70%. В соответствии с ботанико-географическим районированием регион расположен в подзоне средней тайги. Лесные ландшафты с березово-кедрово-сосновыми кустарничково-зеленомошными и елово-кедровыми мохово-травяными лесами не занимают большие площади, они приурочены к речным увалам и грядам. Болота обеспечивают существование редких, исчезающих или находящихся под угрозой уничтожения видов растений и животных. Кроме того, они являются ценными охотничьими и промысловыми угодьями.

Одновременно рассматриваемая территория имеет и огромную археологическую ценность. Здесь выявлено более 200 археологических памятников (поселений, городищ, могильников, святилищ, относящихся к разным эпохам). Это очень высокая концентрация памятников для данной природной зоны, и рассматриваемый участок можно назвать одной из центральных археологических зон хантыйской истории. Большая часть археологических памятников связана с невысокими грядами, поросшими в настоящее время соснами. Древние городища являются основой для легенд, многие из которых могут быть связаны с реальной историей.

Можно утверждать, что выделенная территория является местом концентрации памятников истории и культуры, сохранения проживающей здесь самобытной этнической группы хантов и сохранения традиционного природопользования в родовых угодьях. Это уникальный участок этнографического ландшафта в его естественности и полноте. Здесь также может идти речь об изучении и сохранении «этнографического археологического ландшафта».

Сочетание на сравнительно небольшой территории этих двух важных особенностей – наличие уникального природного явления и редкого социокультурного феномена – является обоснованием для придания этому региону особого охраняемого статуса. В условиях существующего в настоящее время законода-

тельства и местных экономических возможностей задачам сохранения и использования в этом регионе наследия в виде как уникальных природных систем, так и самобытной этнической группы коренного населения может соответствовать статус *природного парка* (созданного на основе закона об особо охраняемых природных территориях).

Фактически в качестве *основной цели деятельности природного парка формулируется задача создания особого природно-этнографического комплекса (этнографического ландшафта), специализация которого базируется на охране природного наследия, свойственного землям округа, и на сохранении и использовании специфического культурного наследия коренных жителей при привлечении ряда других видов деятельности, например научные исследования, музейное дело, туризм.*

Функционирование природного парка «Пунси» может сочетать в его организационных рамках несколько направлений деятельности. Их совокупность может быть представлена следующим образом.

*Сфера природного и культурного наследия.*

На основе главной функции по сохранению природного и историко-культурного наследия существуют достаточные предпосылки для развития *научно-образовательной деятельности*. Этот вид деятельности может развиваться по нескольким направлениям.

*Развитие научных исследований на основе ресурсов территории.* Роль природного парка может быть весьма значимой в *развитии образовательного потенциала региона*. Важным дополнением в работе природного парка может стать *туристско-экскурсионная деятельность*.

*Историко-хозяйственная сфера* является неотъемлемой частью существования природного парка, без которой и собственно музейная функция, и задачи сохранения этнической самобытности, и туристско-экскурсионный комплекс являются неполными, не реализуют в достаточной степени свой потенциал.

Ее основным проявлением следует назвать сохранение и возрождение традиционных форм природопользования во всем многообразии их проявления. Формы традиционного хозяйства на местной территории достаточно многообразны: охота, рыбная ловля и приготовления рыбы и дичи, изготовление традиционных изделий.

Результатом развития данного направления деятельности природного парка должно стать возрождение ряда производств в исторически обусловленных формах (в частности, восстановление таежного оленеводства, рыбного хозяйства, охоты, приемов по переработке первичного сырья). Этим в круг сохраняемых и возрождаемых объектов наследия вводится также и совокупность элементов традиционного природопользования и исторических технологий.

Вся система как непосредственно охранительных, так и хозяйственных мероприятий обязательно должна быть связана с функционированием *социального комплекса*. Он предполагает не только создание системы жизнеобеспечения собственно структур природного парка (включая кадровую политику, привлечение специалистов и участие местных жителей), но и разработку и реализацию специальной социальной программы, направленной на улучшение условий и уровня жизни коренных жителей, проживающих на территории парка. Это

очень важный элемент будущей программы развития парка, поскольку именно проживание здесь в естественных ландшафтных условиях специфической группы хантов, бытование традиционной культуры, навыков и умений позволяет выделить данную территорию не только как чисто природный участок, но и как территорию историко-культурного наследия.

Природный парк может стимулировать создание дополнительных рабочих мест; культурно-просветительную и образовательную работу с местным населением; развитие системы хранения и сбыта местной продукции (например, в форме факторий). Важным социальным аспектом является и разработка различных форм участия местного населения в программе развития природного парка.

Общая идея формирования здесь охраняемой территории была сформулирована в рамках международного семинара «Болота и археология», проходившего в 1988 г. Более детально проект создания природной и этнографической территории «Пунси» выполнен в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева совместно со специалистами Центра историко-культурного наследия Нефтеюганского района, биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, исследователями из Тюмени, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга [Болота и люди... 2000]. Его результаты были заслушаны и одобрены в администрации Нефтеюганского района с присутствием всех заинтересованных сторон и представителей исполнительных органов местного управления. В настоящее время этот проект обсуждается в администрации Ханты-Мансийского автономного округа.

С реализацией предложенных концептуальных направлений развития природный парк сможет стать не только природоохранным объектом, но и учреждением, имеющим гуманитарную направленность и выполняющим важную социальную функцию на фоне интенсивной промышленной специализации Нефтеюганского района. Деятельность природного парка может сказаться на социальном и экономическом развитии района в целом.

Создаваемая в Нефтеюганском районе особо охраняемая природная и историко-культурная территория является одной из немногих попыток формирования подобной природно-этнографической территории в России. Она может стать в перспективе достаточно мощным импульсом национального культурного развития народов Севера в целом.

Важно подчеркнуть, что данный проект не является единичным. Можно привести также пример разработки и обоснования еще нескольких научных проектов, направленных на сохранение именно этнографических ландшафтов, которые проводятся в настоящее время как на территории европейского, так и азиатского севера.

Наиболее активно данные проекты разрабатываются на территориях Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Эти работы ведутся на территориях уже созданных природных парков «Нумто» и «Кондинские озера». Проводится работа по выделению и охране священных мест коренного населения [Балалаева 1999].

Одним из интересных примеров целенаправленного исследования по восстановлению традиционных ландшафтов является работа, проводимая в рамках раз-

работки стратегии развития Кенозерского национального парка. Этот национальный парк расположен в Европейской России, в Архангельской области недалеко от старинного русского города Каргополя. Программа восстановления местных ландшафтов практически направлена на сохранение традиционного природопользования и традиционной культуры проживающего здесь старожильского русского населения: сельское хозяйство с традициями содержания пахотных земель, сенокосов и пастбищ, рыболовство, восстановление старых дорог, жилых, хозяйственных и религиозных построек (часовен, обетных крестов).

В рамках данного проекта в качестве основной задачи предполагается восстановить этнографический ландшафт русского Севера. Ее выполнение достаточно сложно в связи с обезлюдиванием данной территории, значительным сокращением как населения, так и числа сельских поселений. Вместе с тем в рамках организационной стратегии национального парка (как особо охраняемой природной территории) планируется не только привлечение специалистов для разработки научной идеи, но выделение финансовых ресурсов для ее реализации [Основные направления развития национального парка «Кенозерский» 2001].

В работах Всероссийского общества охраны природы помимо предложений о выделении и создании новых охраняемых природных объектов и территорий также отдельно выделены «территории традиционного природопользования». Рассмотрены 34 территории, которые представляют этно-экологические зоны – ареалы компактного проживания малочисленных народов Севера и старожильческие поселения. В их числе не только северные районы, но и территории на Северном Кавказе [Особо ценные территории 1997].

В целом, анализируя данную проблему, можно сделать вывод, что идея выделения и охраны этнографического ландшафта активно выдвигается и обсуждается в российской науке уже более 15 лет. Законодательная практика пока не проявляет должного внимания к проблемам формирования этнографических ландшафтов, и отсутствие законодательных актов значительно сдерживает реализацию уже наработанных идей и предложений. В последние годы частично удалось реализовать некоторые предложения по сохранению этнографических ландшафтов в рамках возможностей, создаваемых российским законодательством об охране природных территорий. Такая политика наиболее активно реализуется на северных территориях в процессе формирования новых природных и национальных парков. Одновременно существующие научные разработки и имеющиеся практические результаты позволяют активизировать усилия по внедрению на федеральном и на региональном уровнях новых законодательных предложений, способствующих сохранению этнографических ландшафтов.

## Литература

- Балалаева О.Э. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
- Богословская Л. Международный парк в Берингии. Комментарий специалиста // Полярник, август 1990.
- Болота и люди (материалы международного семинара «Болота и археология»). М.: Институт Наследия, 2000.

- Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 1997.
- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Сер. геогр., 2001.
- Веденин Ю.А., Шульгин П.М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия АН. Сер. геогр. 1992. № 3.
- Глубоковский М.К. Проблемы традиционного природопользования в России // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации / Под ред. Л.С. Богословской. М., 2000.
- Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2003 году». М.: Государственный центр экологических программ, 2004.
- Зайцева О.Н. Сравнительная характеристика типов традиционного природопользования коренного населения Забайкалья // Современные методы географических исследований. Иркутск: ИГ СО РАН, 1997.
- Закон Республики Карелия об уникальных исторических природно-ландшафтных территориях // Территория. 1994. № 1.
- Исаченко А.Г. Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование. М.: Наука, 1965.
- Исторический город Ялutorовск: материалы к программе сохранения и использования историко-культурного и природного наследия города и его окружения / Под ред. П.М. Шульгина. М.: Институт Наследия, 1997
- Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Ландшафт и культура // Науки о культуре: итоги и перспективы. Информационно-аналитический сборник. Вып. 3. М.: РГБ, 1995.
- Калуцков В.Н. Основы культурного ландшафтоведения. М.: МГУ, 2000.
- Калуцков В.Н., Красовская Т.М., Валебный В.В., Иванова А.А., Каганский В.Л., Симонов Ю.Г. Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии. М.; Смоленск: Изд. СГУ, 1998.
- Клоков К.Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития. Сер. этногеографические и этноэкологические исследования. Вып. 5. СПб.: Изд. НИИ Географии СПбГУ, 1997.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов в Северной Евразии. М.: Наука, 1989.
- Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2004.
- Культурный ландшафт русского Севера. М.: Изд. ФБМК, 1998.
- Лихачев Д.С. Экология культуры // Памятники Отечества. 1980. № 2.
- Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999.
- Максаковский Н.В. Национальные парки в урбанизированных районах России. М.; Рязань, 1997.
- Меркушина Т., Новиков В. Заповедных территорий должно быть больше // Югра. 1998. № 2.
- Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты. М.: Мысль, 1973.
- Мильков Ф.Н. Рукотворные ландшафты. М.: Мысль, 1978.
- Музей-заповедники России. М.: Минкультуры РФ, 1999.
- Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. Тула, 1999.
- Мурашко О.А. Коренные народы Севера России и проблемы сохранения и развития традиционного природопользования // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации / Под ред. Л.С. Богословской. М., 2000.
- Николаевский А.Г. Национальные парки. М.: Агропромиздат, 1985.
- Обсуждение концепций и проектов законов // Живая Арктика. 1999. № 1.

- Основные направления развития национального парка «Кенозерский» на 2001–2005 гг. НП «Кенозерский», 2001.
- Особо ценные территории природного и природно-историко-культурного наследия народов Российской Федерации / Под ред. Н.В. Максаковского, С.В. Николаева. М.: Изд. МНЭПУ, 1997.
- Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXXVIII.
- Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации / Под ред. Л.С. Богословской. М.: Изд. Государственной Думы, 2000.
- Проект статуса уникальной исторической территории (Азар В.И., Веденин Ю.А., Житенев С.Ю., Забелина Н.М., Никишин Н.А., Шульгин П.М., Яновский К.М.) // Сб. материалов I Всесоюзной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. М.: СФК, 1990.
- Районы проживания малочисленных народов Севера // География и хозяйство / Ред. А.И. Чистобаев. Л.: Изд. ВГО, 1991. Вып. 4.
- Салымский край. Екатеринбург, 2000.
- Сыртынова С.Д., Петунова Н.А. Алхана как природно-исторический памятник в Забайкалье // Наследие и современность. Информационный сборник. М.: Институт Наследия, 2002. Вып. 9.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. М.: Наука, 1997.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Ивановская область. М.: Наука, 1998–2001. Т. 1–3.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Смоленская область. М.: Наука, 2001.
- Система охраняемых природных территорий в экологической программе Приморского края / Ред. П.А. Лер, Б.И. Лебедев. Владивосток: ДО АН СССР, 1989.
- Традиционный опыт природопользования в России / Ред. Л.В. Данилова, А.К. Соколов. М.: Наука, 1998.
- Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998.
- Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 12.
- Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Российская газета. 11 мая 2001 г.
- Шульгин П.М. Культурный фактор в региональной политике // Экология культуры. М., 2001.
- Шульгин П.М., Штеле О.Е. Институт культурного и природного наследия // Россия и современный мир. 1998. № 1.
- Экология – народонаселение – расселение: теория и практика / Ред. О.П. Литовка. Л.: Геогр. о-во СССР, 1989.
- International Park Programm. Beringian Heritage. Reconnaissance Study. Denver Service Center, NPS, Denver, Colorado, 1989.
- Salter C.L. The Cultural Landscape. Belmont, 1971.
- Sauer K. The Morphology of Landscape // Univ. California. Publ. Geogr., 1925.
- Sauer K. Recent Developments in Cultural Geography / Ed. by E.C. Hayes // Recent Developments in Social Sciences. N.Y., 1927.